

Максим Бочкарёв

# ЛЕГЕНДА О ТИСУЛЬСКОЙ ПРИНЦЕССЕ

*История вечной любви*

18+

# Максим Бочкарев

## Легенда о Тисульской принцессе

*<https://litres.ru/74399534>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

В сентябре 1969 года на угольном разрезе под Тисулем рабочие нашли саркофаг. Внутри — женщина. Молодая, красивая, живая. Она пролежала в земле тысячи лет, но не умерла. Ее глаза открылись, и те, кто видел это, начали умирать один за другим.

Кто она? Откуда пришла? И почему через тысячелетия ее любовь все еще ждет своего часа?

Максим Бочкарёв, автор «Яги» и «Векавеса», предлагает свою версию одной из самых загадочных легенд Сибири. Здесь переплелись древняя магия, человеческие судьбы и тайна, которую хранит земля. И, возможно, ответы на все вопросы — не в прошлом, а в будущем.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Введение                          | 5  |
| Глава 1. Саркофаг.                | 8  |
| Глава вторая. Рождение.           | 19 |
| Глава третья. Учение.             | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# **Максим Бочкарев**

# **Легенда о Тисульской**

# **принцессе**

## **Глава**

# Введение

*Любовь сильнее времени.*

*Любовь сильнее пространства.*

*Любовь сильнее миров.*

*Любовь сильнее всего.*

Эта книга - о ней. О любви, которая не спрашивает разрешения. Не смотрит на часы. Не боится расстояний и веков. О любви, которая ждет, сколько надо. Идет куда надо. Умирает, чтобы воскреснуть снова.

Тисульская принцесса. Так называли ее те, кто увидел сквозь прозрачную стенку саркофага. Но никто не знал, кто она на самом деле. Откуда пришла. Почему ее глаза светились золотом даже сквозь толщу сна. И почему все, кто к ней прикасался, умирали один за другим.

Кроме одного, кто тоже умер, но гораздо позже...

Того, кто ударил киркой о мраморную плиту осенью 1969 года. Того, кто заглянул в трещину и увидел ее. Того, кто умер с улыбкой, сжимая в кулаке таинственную пластину из неизвестного металла.

Что он увидел в последний миг? Что вспомнил?

Она спала тысячелетия. Он умирал и рождался снова. Сотни раз. Тысячи. И каждый раз ближе. Каждый раз почти. Но почти не считается...

Эта книга - попытка ответить на эти вопросы. Но не через архивы и документы. Не через поисковые дела и показания свидетелей. Кто знает, что было на самом деле в том разрезе под Тисулем? Кто знает, куда исчез саркофаг и почему люди, видевшие его, уходили из жизни один за другим?

Может, все было совсем не так, а может и так...

Я придумал один из вариантов. Тот, где камень умеет петь. Где под землей, в глубине Салаирского кряжа, тысячи лет стоят Врата между мирами. Где любовь сильнее смерти. Где душа помнит то, что разум забыл.

Имя ей - Айлинь. Имя ему - Илья. Или Яр. Или Марк. Или Генрих. Или Ермолай. Или Иван. У него много имен. Но душа - одна.

Эта повесть - вольная фантазия автора, вдохновленная легендой о Тисульской принцессе. Не документальное рассле-

дование. Не научная работа. И даже не попытка восстановить «истинные события».

Это просто сказка. Для тех, кто еще не научился верить. Для тех, кто знает - любовь не кончается. Даже когда кончается все.

Добро пожаловать в мир, где камни помнят, а звезды слышат.

Это повесть о вечной любви... Прежде всего о ней...

*Ваш Максим Бочкарев.*

# Глава 1. Саркофаг.

Сентябрь в тот год выдался сухим и жарким. Уже вторую неделю солнце палило нещадно, выжигая траву на косогорах и поднимая над угольным разрезом тучи сизой пыли. Пыль висела в воздухе, скрипела на зубах, забивалась в нос и уши, оседала на одежде.

Трудно ли быть горняком? Да еще бы! Но кто об это задумывался - план есть план и его нужно выполнять. И никто не спросит - жарко тебе или холодно, хочешь ты пить или нет, работа есть работа...

Поселок Ржавчик, что находится в восьмидесяти километрах от районного центра Тисуль, жил своей жизнью, а горняк Иван Арнауков своей. Был он мужик крепкий и немногословный, из тех что делают, а потом думают. Родом он был из соседней деревни, в семье был шестым, младшим ребенком. С детства он привык к тяжелой работе. Отец погиб на фронте, мать тянула хозяйство одна и каждый лишний рот был тяжелой обузой. Потому Иван, едва ему исполнилось пятнадцать, пошел на разрез. Сначала учеником, потом забойщиком, а последнее время он трудился бригадиром. Работа была тяжелая, но платили хорошо. По крайней мере лучше чем колхозникам.

Жена его, Клавдия, была женщиной ворчливой, но без-

злой. Ворчала на мужа, потому что так делали ее мать и бабушка. Клавдия являла из себя женщину дородную, громкоголосую, с руками которые не боятся никакой работы. А сердце ее вмещало в себя всю ее большую семью, родственников и вообще всех добрых людей.

Иван слушал ворчание жены, кивал и думал своим - о том, что нужно уже починить забор, что старшая дочь заневестилась и пора бы подыскать хорошего мужа для нее. А еще о том, что наряд на сегодняшнюю работу будет очень тяжелым и породе здесь идет как-то необычно туго, с какими-то странными вкраплениями, которых раньше он никогда не видел.

Вкрапления и вправду были странные. Порода здесь на глубине шестидесяти метров, шла не такая, как везде. Она была светлее, плотнее и словно светила изнутри. Иван заметил это вчера, когда только начиналась смена, но не придал этому особого значения - мало ли чего в земле лежит, может известняк какой-то особый, может еще какая порода... Он не геолог, чтобы в этом разбираться, его дело долбить и выполнять план. А план в этом месяце был особенно высокий. Стране нужен уголь, ибо страна строится и растет. И каждый кто работает в разрезе вносит огромный вклад в это великое дело. Так говорили на собраниях, так писали в газетах, так в общем-то думал и сам Иван, хотя никогда этого не говорил. О вообще мало говорил, больше слушал и

думал. И больше работал...

В тот день смена началась, как обычно - гудок, что висел на столбе у проходной, проревел низким, протяжным басом, разносясь по округе и над разрезом. Рабочие, что уже собрались у наряда, потянулись к клету, чтобы спуститься в забой. Иван шел впереди и переговаривался со своим старым другом Степаном. То был мужчина грузный, красноносый, с вечно недовольным выражением лица, словно его оторвали от обеда и заставили делать какую-то ерунду. Но на самом деле он был человеком справедливым и добрым внутри и товарищи уважали его.

«Сегодня идем на шестой участок. Там порода должна вроде помягче ниже пойти, потом нужно еще креплениями заняться на том же участке, не нужны нам обвалы с таким планом!» - коротко выдал инструкцию Иван.

В забое было темно и сыро. Свет давали только налобные светильники, что выхватывали из мрака куски угольных пластов, блестящих, как черное стекло. Пахло землей, углем и еще чем-то, чего Иван определить не мог. Какой-то сладковатый запах, что пробивался через обычные «ароматы» угля. Он принюхался, запах усилился. Он шел из глубины забоя, где порода была еще не тронута.

Иван остановился, прислушался - тишина. Только капли воды где-то капают, только уголь потрескивает под давлением и сердце стучит в груди гораздо громче обычного.

«Ты чего, дядька Иван? Застыл, как вкопанный!» - спро-

сил Тимохин, молодой парень, который только набирался опыта.

Иван дважды глубоко вдохнул и ответил: «Да нет! Все нормально, работаем!».

Они двинулись вперед. Уголь пошел хороший, чистый, неизвестная порода с вкраплениями закончилась и горняки заметно выдохнули.

Иван уже представлял, как придет домой, помоеется хорошенько, Клавдия подаст ему тарелку дымящегося борща. И он будет есть, медленно, с удовольствием, а жена будет сидеть напротив и рассказывать последние новости. Что у соседей перестали нестись куры, что в сельмаг завезли хорошую ткань и надо бы успеть ее отхватить. Что младший сно-ва подрался в школе и точно придется идти к директору... Обычные заботы, обычная жизнь... И от этого было легко и спокойно на душе.

Кирка ударила обо что-то твердое. Иван поморщился от звука. Был этот звук непохожим ни на один из всех, что приходилось ему слышать за долгие годы работы по землей. Ударил еще раз и вновь услышал этот странный звон...

Он наклонился и стал всматриваться в место последних ударов. В черной толще угля явно что-то поблескивало. Он наклонился и провел рукой, счищая камни - под слоем угля была плита. Огромная - больше двух метров в длину и больше метра в ширину. Расчистив ее более тщательно, он разглядел, что поверхность была гладкая, явно тщательно от-

полированная и на ней если присмотреться проступали какие-то линии, складывавшиеся в узор.

Иван провел по плите ладонью и ему вдруг стало холодно. Нет, не от камня, камень то как раз был теплый. Холод шел откуда-то изнутри, из самой глубины груди и поднимался к горлу ледяным комом.

«Арнаухов, а ты чего так застыл? Почудилось может чего?» - спросил из далека Трофимыч, озадаченный таким поведением товарища.

«Да тут плита какая-то, Трофимыч! Гладкая и теплая. Может геологов вызывать?» - ответил себе под нос Иван.

«Да ну их! Геологов этих! Мы с ними норму точно не дадим. Будут тут ковыряться, не выгонишь потом!» - расслышал таки Ивана Трофимыч, подходя почти вплотную.

Иван подумал - и верно, с ними только свяжись. Он поднял кирку и со всего размаха ударил по плите. Звук был такой, словно он ударил в большой колокол. Низкий гул разнесся по всему разрезу и ушел куда-то вверх, в небо. Птицы, что сидели на ветках в округе разом поднялись на крыло и разлетелись в разные стороны. Собака, что спала в тени экскаватора, подняла голову и завывала. Люди разом остановились и замолчали. Тишина повисла на разрезом, густая и тревожная.

«Ты чего Арнаухов?!» - спрашивали все кто был рядом.

Иван ответил озадаченно: «Не знаю, оно звенит...».

Кто-то ответил громко, почти в ухо: «Чего звенит? Не мо-

жет камень звенеть».

Но Иван уже не слушал, он снова поднял кирку и ударил еще раз и еще раз. Плита треснула... Трещина пошла по всей длине разветвляясь, как молния и из нее ударил свет. Не яркий, не слепящий, а какой-то мягкий, голубоватый... Словно там, под плитой горела лампа. Вместе со светом из трещины потянуло запахом. Не затхлостью, не сыростью, как можно было ожидать от подземелья, а чем-то сладким, цветочным, как от букета, что стоит уже долго и начал увядать.

Кто-то из рабочих тихо сказал: «Мужики, а ведь это... это саркофаг...».

Ему ответили: «Ты Тимохин фантастику перечитал!».

Но любитель фантастики не сдавался: «Да сами то вон, смотрите! Там же стенки вон, гладкие! Ровные вон, какие! Природа делает такие?»

Иван припал к трещине и заглянул внутрь, то что он увидел заставило его резко отшатнуться.

Внутри в прозрачной жидкости, что переливалась розовым и голубым, лежала женщина - молодая и очень красивая. Одета она была в белое платье, расшитое серебряными нитями. Глаза ее были закрыты. Лицо спокойно и безмятежно, словно она спала... и она была... живая...

Иван готов был поклясться, что видел, как ее грудь едва заметно поднимается и опускается в такт дыханию.

Он потряс головой и тихо сказал: «Там женщина... живая».

Мастер растолкал всех, припал к трещине сам и долго смотрел не говоря ни слова. Потом выпрямился, снял каску и сказал то, чего Иван подспудно ждал и боялся услышать: «Поднимаем наверх, только осторожно! И чтобы без лишнего шума! Тимохин! Беги в контору и звони в район. Скажешь авария! Никаких саркофагов, а авария! Ты понял?».

Иван хотел было тоже что-то сказать, когда саркофаг осторожно вынимали из породы, смотрел как его поставили и стали опутывать веревками. Он хотел было тоже помочь, он видел, что веревка в одном месте перехлестнулась, но не мог... Что-то держало его на месте... Что-то такое, чему он не мог подобрать названия. Он смотрел на женщину сквозь прозрачную стенку саркофага и чувствовал, как внутри него поднимается странное, давно забытое чувство... Не страх, не любопытство, а... узнавание. Словно он знал ее, всегда знал... и ждал этой встречи всю жизнь...

Саркофаг поднимали долго и очень осторожно. Когда его вытянули на поверхность и уже ставили на землю, одна из веревок вдруг лопнула и саркофаг ударился одним краем о поверхность. Жидкость при этом резко колыхнулась и женщина едва заметно пошевелила рукой. Или это только показалось, Иван не был уверен. А вот Тимохин, что стоял рядом, стал мелко и долго креститься, лепеча при этом: «Не может этого быть!».

Иван подошел ближе. Теперь, при солнечном свете женщина казалась еще прекраснее. Черты ее лица были родны-

ми, правильными, но в то же время какими-то непривычными, словно она принадлежала к расе которая исчезла гораздо раньше чем появился человек. Кожа ее была бледной, почти белой, но не болезненной, какой-то светящейся словно лунный камень. Волосы - длинные, темные, были частично уложены в затейливую прическу и частично развивались вокруг головы в жидкости, словно водоросли в толще воды. А на груди, сложенные крест-накрест, лежали ее руки и в пальцах она сжимала какой-то предмет. Иван пригляделся, это была небольшая пластинка из неизвестного металла, тускло светившаяся голубоватым светом.

«Смотри, Арнауков! У нее там что-то в руках! Может достанем?» - прошептал неведомо откуда появившийся за спиной Ивана, Тимохин.

Иван потряс головой и так же тихо ответил: «Не надо. Пусть все так лежит. Тронем, хуже будет».

«Да что хуже то может быть? Мы уже почти вскрыли эту штуку! Теперь же надо понять, что с ней делать? Может. Там какой-то важный документ? Или послание? А может ценность какая невероятная!» - не унимался Тимохин.

Иван словно не своим голосом ответил: «Мужики! Это не ценность! Это... не знаю как объяснить... Вы отойдите лучше! Не надо это... Неправильно...»

Но было поздно - весть о находке уже разнеслась по разрезу. Люди бросали работу и бежали к саркофагу. Каждому хотелось посмотреть на женщину, что пролежала в земле

неизвестно сколько лет и осталась живой. Толпа росла, гудела, напирала...

Кто-то кричал, что нужно немедленно вызывать милицию, кто-то требовал немедленно разбить саркофаг и достать женщину. Кто-то вопил во всю глотку, что это дьявольское наваждение и саркофаг нужно немедленно закопать обратно в землю. Бригадиры и другое начальство пытались навести порядок, но никто никого не слушал.

Иван стоял ближе всех к саркофагу и смотрел на женщину. И вдруг она открыла глаза.

Это произошло так быстро и неожиданно, что Иван сначала не поверил. Ему показалось, что это игра света, отражение солнца в жидкости, обман зрения. Но нет! Она действительно открыла глаза! Они были цвета расплавленного золота и смотрели прямо на него. И в этом взгляде было столько всего: боль, надежда, мольба, обещание, что Иван не выдержал и отвел взгляд. Буквально на одну секунду.

А когда снова посмотрел, глаза ее были закрыты. Словно и не открывались.

«Ты чего, Арнаухов? На тебе лица нет!» - испуганно спросил Тимохин.

«Она на меня посмотрела» - шевеля одними губами ответил Иван.

«Кто?» - недоумевал Тимохин.

Иван кивнул вперед и столь же тихо пробормотал: «Она... Из саркофага... Открыла глаза и посмотрела...»

Тимохин покрутил пальцем у виска и отошел в сторонку. А Иван остался стоять, он знал, что ему не показалось. Она действительно смотрела на него и этим взглядом было что-то, чего он не мог понять, но точно знал... когда-то...

К вечеру прилетел вертолет. Из него вышли люди в штатском, молчаливые, сосредоточенные. Они быстро оцепили место находки, переписали всех кто был на разрезе и заставили подписать бумаги о неразглашении. Саркофаг погрузили в вертолет и увезли. Больше его никто не видел.

А через неделю начали умирать люди. Те, кто первыми подошли к саркофагу. Те, кто прикасались к нему. Те, кто видел женщину...

Тимохин разбился на мотоцикле, Трофимыч слег с сердечным приступом и не поднялся, мастер сорвался с лестницы и сломал шею, еще один утонул в прямом смысле - в луже...

Иван Арнауков умер последним. Он вышел из дома в ночь, когда землю укрыл первый снег и не вернулся. Его нашли утром на пороге собственного дома. Иван сидел спиной спиной к двери и на лице его застыла странная улыбка. А в сжатом кулаке он держал небольшую пластинку из неизвестного металла, что тускло светилась голубоватым светом. Откуда она взялась у него никто не знал. И никто не узнает, потому что мертвые не говорят.

А женщина в саркофаге продолжала спать и ждать. Того, кто придет за ней, того - кто помнит. Того, кто любил

ее в прошлой жизни и полюбит в следующей. Потому что у нее было время, много времени, целая вечность. И она умела ждать, как никто другой...

## Глава вторая. Рождение.

Задолго до того, как первый человек ударил киркой о камень, задолго до того, как на Земле появились крепости и дороги, в недрах Салаирского кряжа существовал город. Не пещера, не стоянка, не примитивное убежище, а настоящий город - с залами, вырубленными в скальной породе, с переходами, что соединяли подземные дворцы с садами, где цвели цветы не знавшие солнечного света.

Народ, что построил этот город, называл себя просто - Сущие. Они не были людьми в нашем понимании, но и богами не были. Они были чем-то средним... Кем-то, кто пришел на Землю на заре ее существования и остался здесь чтобы наблюдать.

Сущие жили долго, очень долго - их век исчислялся не годами и даже не тысячелетиями, а целыми геологическими эпохами. Они видели, как континенты меняют свои очертания, как океаны подступали и отступали. Как одни виды живых существ сменяют других. Они не вмешивались, ибо их законом было - **р а в н о в е с и е**. Мир должен идти своим чередом, а они должны смотреть и запоминать.

В центре города, в главном зале, что носил название - Зал Тысячи Свечей, стоял трон. На троне восседал Владыка. Он был стар даже по меркам Сущих, что жили милли-

оны лет. Его лицо, некогда прекрасное, теперь напоминало карту испещренную трещинами и кратерами. Глаза, что когда-то сияли, как солнца, теперь светились спокойным, ровным светом, словно далекие звезды. Он правил своим народом с незапамятных времен и мало кто помнил, что когда то и он был молод. Но сейчас он устал, очень устал. И ждал только одного - рождения наследницы.

Владычица, его жена, должна была разродиться со дня на день и весь город замер в ожидании. Ведь Сущие не часто производили на свет потомство. Их дети были редкостью, огромной ценностью, даром, что дается далеко не каждому. И вот теперь, спустя огромное количество лет после рождения последнего ребенка, в городе снова ждали младенца. Это было событием которого ждали почти вечность...

В Зале Тысячи Свечей собрались старейшины. Они стояли полукругом перед тронем и лица их были торжественны. Никто не произносил ни слова, в этом не было нужды, ибо Сущие умели общаться мыслями и все их мысли были заняты сейчас предстоящим рождением.

Владыка поднял руку и громогласно изрек: «Сегодня свершится то, чего мы ждали многие годы! Моя дочь появится на свет. И она станет той, кто займет однажды это место - Хранительницей врат. Защитницей равновесия и Надеждой нашего народа!».

Старейшины склонили головы. Все знали - ребенок, что родится сегодня будет особенным. Не просто наследницей.

Она будет ключом! Той, что свяжет прошлое и будущее, людей и Сущих, землю и небо. Так было предсказано миллионы лет назад.

Владычица рожала долго. Ее крики разносились по всем залам и стены дрожали. Сущие, что никогда не знали физических страданий, сейчас испытывали странное чувство. Это был страх... Такой же, какой испытывают обычные люди, страх за жизнь матери и ребенка. Впервые за всю свою историю они боялись.

Владыка стоял у дверей и ждал, он не мог войти, ибо таков закон. Но он чувствовал каждую волну боли, что проходила через тело его жены. Чувствовал, как бьется сердце его ребенка, как время замедляет свой ход.

Наконец крики стихли, дверь отворилась и старейшина, что принимала роды вышла, держа в руках сверток. «Владыка, у вас дочь и она по истине прекрасна и совершенно здорова!».

Он заглянул в сверток. На него смотрели два маленьких солнца, что сияли золотым светом. Глаза в которых отражалась вся вселенная. «Айлинь...» - прошептал он: «Я назову тебя Айлинь, что означает Свет!».

В городе Сущих был обычай - когда рождался наследник или наследница, старейшины должны были принести дары. Нет, не золото и драгоценности, а нечто иное более ценное - знание. Каждый из старейшин делился с новорожденным частицей своей мудрости. Это был древний ритуал, что пе-

редавался из поколения в поколение.

Первым к ложу, где лежала Владычица с новорожденной дочерью, подошел Орун, хранитель памяти. Он был самым старым из всех. Его возраст исчислялся уже не миллионнами, а миллиардами лет. Он помнил рождение первых звезд и смерть черных дыр. Его память была бездонной, как сама вселенная. Он склонился над ребенком и приложил ладонь ей ко лбу.

«Я дарю тебе память! Ты будешь помнить все, что видела, что слышала, что чувствовала. Твоя память будет крепче камня и яснее горного хрусталя. Но знай - память не только дар, но и бремя. Иногда лучше забыть, но ты не сможешь, ибо такова цена!» - мысленно произнес он.

Айлинь открыла глаза и посмотрела на старца. В ее золотых зрачках отразился свет кристаллов, она не понимала слов, но чувствовала их смысл. И смысл этот откладывался где-то глубоко внутри.

Вторым подошел Грон, хранитель закона. Он был высок, суров, с лицом словно высеченным из гранита. Законы, что он хранил были древними, как само мироздание.

«Я дарю тебе справедливость. Ты всегда будешь знать, что правильно, а что нет. Ты всегда будешь видеть грань между добром и злом. Но помни: справедливость, это не милость, иногда она бывает жестокой и ты должна быть готова к этому!» - так же мысленно произнес Грон.

Айлинь смотрела на него и не плакала, хотя любой другой

ребенок точно бы заревел от такого сурового взгляда. Но она не плакала, она просто смотрела и словно понимала, что этот старик желает ей добра, пусть и по своему.

Третьей была Лиара - целительница. Она была гораздо моложе других старейшин, но ее мудрость не была меньше от этого. Лиара знала языки трав и камней, язык ветра и воды, языки живых существ и мертвых. Она могла исцелить любую рану, кроме раны душевной. Душевные раны не лечатся, они заживают сами или не заживают вовсе.

Увидев ее Айлинь улыбнулась, это была ее первая улыбка и улыбаясь в ответ целительница заговорила: «А я подарю тебе сострадание. Ты всегда будешь чувствовать боль других, как свою собственную, всегда будешь хотеть помочь, но помни - нельзя помочь всем! И нельзя спасти того, кто не хочет быть спасенным!».

Четвертым подошел сам Владыка. Он не должен был этого делать, ведь по обычаю только старейшины передают дары наследнику. Но он был Владыкой и в его силах было изменить даже такие древние обычаи.

Посмотрев на дочь он тихо произнес: «Я дарю тебе любовь. Ты сможешь любить так, как никто не любил до тебя! Твоя любовь будет сильнее смерти, сильнее времени и самих Врат. Но увы, любовь это не всегда радость, бывает у нее и другая сторона...»

Айлинь смотрела на отца и в глазах ее светилось что-то, чего он не видел раньше. Может это было понимание, может

благодарность, а может и предчувствие. Предчувствие той судьбы, что ждала ее впереди.

После ритуала, старейшины разошлись, Владычица уснула, а Владыка остался с дочерью. Он держал ее на руках, смотрел, как она спит и понимал, что ее судьба будет в корне отличаться от судеб Сущих, живших до нее. И будет в этой судьбе много испытаний и боли, но он точно знал, что она справится...

Где-то высоко, на поверхности земли, в лесах Салаирского края, бродили люди. Они конечно же не знали о Сущих, не знали о городе под землей и не знали о том, что сегодня родилась та, что однажды изменит весь мир. Но люди чувствовали что-то смутное и совсем необъяснимое. Старики говорили, что духи леса проснулись, а молодые смеялись, но все же поднимали головы к небу и смотрели на звезды, что сияли сегодня особенно ярко. Словно там, в неведомой вышине, сама Вселенная приветствовала новую жизнь...

А в Зале Тысячи Свечей, в колыбели из горного хрусталя, спала Айлинь. Ей снился сон - она стояла на вершине горы и вокруг нее бушевала буря. А в долине, среди теней, стоял человек и смотрел на нее. В глазах человека пылал огонь...

Она не знала кто он, но знала, что однажды они встретятся и эта встреча изменит все...

Но до этого было еще далеко, очень далеко - целая жизнь, а возможно даже и вечность. Пока же она спала и видела сны, ожидая неведомо чего.

Годы шли, Айлинь росла. Она училась у старейшин, постигала тайны Врат и готовилась стать Хранительницей. Но вот сон, что приснился ей в колыбели не забывался. Она помнила его, помнила человека с огнем в глазах и ждала встречи. Ждала сама не зная чего, но сердце ее знало, ибо сердце знает всегда...

Так заканчивается эта глава...

Но история только начинается. Впереди первый выход Айлинь на поверхность. Впереди ее встреча с тем, кого она увидела в своем сне. Впереди история любви, история истинной жертвы, история Тисульской принцессы...

А пока тишина, покой и сон. И где-то на поверхности первые люди зажищают костры и смотрят на звезды. И одна из этих звезд смотрит на них в ответ - звезда по имени Айлинь. Звезда, что однажды станет легендой. Это та звезда, что будет светить в ночь перед находкой в разрезе под Тисулем. Но это будет потом, очень не скоро - через тысячи жизней и смертей.

И через все эти тысячи лет она пронесет то что истинно вечно под луной - свою любовь. Ибо любовь это дар и у него нет конца, как и у света. Ведь наверное любовь это и есть свет...

## Глава третья. Учение.

Айлинь росла быстро. Не так, как растут человеческие дети, которым нужны годы, чтобы научиться ходить и говорить. Нет, она росла стремительно, словно само время подгоняло ее. В три года она уже читала мысли старейшин, в пять знала язык камней и умела слушать о чем говорят подземные воды. В семь лет она впервые вышла на поверхность и увидела солнце не через кристаллы, что передавали его свет в глубины города, а своими глазами. И этот свет ослепил ее... Не физически, нет! Он ослепил ее душу.

Она стояла на вершине горы, смотрела на бескрайнюю тайгу, на облака, что плыли над головой, на птиц что парили в вышине и не могла понять, как такая красота может существовать в мире. И почему ее народ прячется от нее под землей.

И она спросила у отца, когда они вернулись в город: «Почему мы живем здесь? Почему не живем там, наверху, где солнце и ветер?».

Владыка долго молчал прежде чем ответить: «Потому что мы другие. Мы не можем жить под солнцем, как люди и те кто жили до них. Наша кожа не выносит его лучей и глаза наши устают от яркого света, ибо мы созданы для полумрака и покоя. Так было всегда и так будет всегда!».

Айлинъ не могла согласиться: «Но я не хочу всегда! Я хочу видеть солнце, хочу чувствовать ветер, хочу знать, что там за горами и лесами...»

Владыка смотрел на дочь долгим, изучающим взглядом - в ней говорила не только юность, в ней говорила кровь. Та самая, древняя кровь, что текла в жилах ее далеких предков, что когда-то пришли на Землю из других других миров. Кровь, что не давала покоя, что звала в дорогу, что требовала открытий и свершений. Он знал это чувство...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.